

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА NOVUS LEX

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.235.6.009-021

Е. А. Суханов
Московский государственный
университет имени М.В.Ломоносова
г. Москва, Российская Федерация

Законопроект об искусственном интеллекте и гражданско-правовые проблемы цифровизации

Резюме. В статье критически анализируются представленные в проекте закона о регулировании технологий искусственного интеллекта положения об установлении имущественной (гражданско-правовой) ответственности разработчиков, операторов и пользователей технологий ИИ, опирающейся на принцип вины, и обосновывается потребность в их признании источниками повышенной опасности; доказывается неправомерность предоставления им широких возможностей свободного (бездоговорного) использования охраняемых результатов творческой деятельности (объектов авторского и патентного права); критикуется отсутствие в законопроекте конкретных норм о международно-правовой охране результатов использования технологий ИИ. Освещается гражданско-правовой режим отношений по использованию криптовалюты как натуральных обязательств. В качестве общего вывода констатируется отсутствие особого гражданско-правового режима цифровых прав (цифрового имущества), как и особой правовой отрасли цифрового права, а в связи с этим и необходимость его кодификации.

В основу статьи положен доклад автора на состоявшейся 17 апреля 2026 г. в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) I Международной научно-практической конференции «Цифровизация гражданского оборота: проблемы и перспективы развития».

Ключевые слова: гражданский оборот; исключительные права; имущественная ответственность; искусственный интеллект; источник повышенной опасности; криптовалюта; натуральные обязательства; правосубъектность; цифровое имущество; цифровые права

Для цитирования: Суханов Е. А. Законопроект об искусственном интеллекте и гражданско-правовые проблемы цифровизации. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 6. С. 9–21. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.235.6.009-021

A Draft Law on Artificial Intelligence and Civil Law Issues of Digitalization

Evgeniy A. Sukhanov
Lomonosov Moscow State University (MSU)
Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper critically examines the provisions proposed in the Draft Law on the Regulation of Artificial Intelligence Technologies that would impose property (civil) liability on developers, operators, and users of AI technologies on the basis of the principle of fault, and argues that such technologies should instead be treated as sources of heightened danger. It also demonstrates the impropriety of granting broad authority for the free (non-contractual) use of protected creative works, including subject matter protected by copyright and patent law, and criticizes the draft law's failure to include specific provisions on the international legal protection of outputs generated through the use of AI technologies. The paper further analyzes the civil law framework governing relations involving the use of cryptocurrency as natural obligations. As a general conclusion, the author

© Суханов Е. А., 2026

argues that there is neither a distinct civil law regime for «digital rights» («digital property») nor an autonomous branch of «digital law» and, accordingly, no need for its codification.

The paper is based on the author's paper presented at the First International Conference on Theory and Practice, «Digitalization of Civil Turnover: Problems and Prospects for Development», held on April 17, 2026, at Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Keywords: civil turnover; exclusive rights; property liability; artificial intelligence; source of increased danger; cryptocurrency; in-kind commitments; legal personality; digital property; digital rights

Cite as: Sukhanov EA. A Draft Law on Artificial Intelligence and Civil Law Issues of Digitalization. *Lex russica*. 2026;79(6):9-21. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.235.6.009-021

Научно-технический прогресс всегда оказывал значительное влияние на развитие гражданского права. Так, благодаря появлению книгопечатания родилось авторское право, после изобретения паровой машины (двигателя внутреннего сгорания) возникло патентное право и т.д. Результатом этих процессов стало формирование нового, самостоятельного гражданско-правового режима интеллектуальных прав (интеллектуальной собственности), существующего теперь наравне с традиционными для континентально-европейских правовых режимов режимами вещных и обязательственных, а также корпоративных прав. Однако отмеченное явление не столь просто и однозначно. Например, открытие и последующее широкое использование электрической, а затем атомной энергии не оказали непосредственного воздействия на гражданско-правовые институты (если не считать споров о предмете и месте в системе гражданско-правовых договоров договора снабжения энергией через присоединенную сеть). Лишь в последние годы стали вестись оставшиеся в основном бесплодными разговоры о создании особого, энергетического права¹.

С этой точки зрения можно оценивать и современную дискуссию о возможности и целесообразности формирования гражданско-правового режима цифровых прав или даже самостоятельной правовой отрасли —

цифрового права, вызванную к жизни бурно развивающейся цифровизацией. В целом его влияние на гражданско-правовую сферу пока не носит всеобъемлющего характера, оно затрагивает лишь отдельные гражданско-правовые институты. В частности, с ним можно связать появление бездокументарных ценных бумаг и электронно-цифровой подписи, а в последнее время — возможность применения электронной формы организации исполнения некоторых договорных обязательств (смарт-контракты) и безналичных расчетов (цифровой рубль). Но последовательный юридический анализ ряда цифровых отношений, например предпринимательской деятельности с использованием цифровых платформ, приводит к выводу о том, что их гражданско-правовое оформление вполне укладывается в существующие правовые конструкции и не требует кардинальных реформ действующего гражданского законодательства². Можно лишь прогнозировать некоторое усиление этого процесса, главным образом за счет известного расширения сферы применения криптовалюты и подобных ей цифровых активов, охватываемых понятием «цифровое имущество» (англ. digital asset, crypto-assets), или, иначе, «цифровые ценности» (нем. Kryptowerten)³. Но в целом современные отечественные попытки специального гражданско-правового оформления данного процесса выглядят во многом проти-

¹ Историческими предшественниками этих взглядов можно считать появившиеся в середине прошлого века, а ныне практически забытые предложения о признании «атомного права» (базирувавшиеся на обобщении действия международных конвенций и двусторонних соглашений в области мирного использования атомной энергетики и в силу этого касавшиеся исключительно сферы международного права).

² См., например: Палчаева Н. А. Правовое регулирование предпринимательской деятельности с использованием цифровых платформ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М. : МГУ, 2026. С. 12–15.

³ Применяемый в современном российском законодательстве термин «цифровые финансовые активы» сам по себе является финансово-экономическим (бухгалтерским), а не юридическим, что неизбежно порождает вопрос о возможности признания «цифровых финансовых пассивов» (долгов). Более удачным поэтому представляется использование традиционной гражданско-правовой категории «имущество».

воречивыми, а иногда даже беспомощными и наивными⁴.

Так, в результате принятия Федерального закона от 18.03.2019 № 34-ФЗ⁵ цифровые права, с одной стороны, стало возможным рассматривать как особый вид имущественных прав (ст. 128 ГК РФ), тогда как, с другой стороны, ими в действительности признаются уже известные гражданскому обороту и лишь названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права (п. 1 ст. 141.1 ГК РФ), причем при условии, что их содержание (объем) и осуществление определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам⁶. То есть речь идет уже не об особой юридической природе, а только об *электронно-цифровой форме* традиционных имущественных гражданских прав (или особой форме гражданско-правовых сделок по их реализации).

В этом названный Закон следует за положениями гл. 7 ГК РФ о ценных бумагах (введенными Федеральным законом от 02.07.2013 № 142-ФЗ⁷), разделившими их на документар-

ные (обычные) и бездокументарные и отнесшими к последним обязательственные и иные права, осуществление и передача которых возможны только с соблюдением норм учета этих прав, который выполняется в электронных базах данных (реестрах)⁸. Указанное обстоятельство объясняется тем, что бездокументарные ценные бумаги в действительности представляют собой не разновидность классических ценных бумаг — особого вида документов (вещей), а специальный *способ фиксации* (закрепления, существования) некоторых традиционных имущественных прав⁹, который не порождает каких-либо их новых, особых разновидностей. Примечательно, что некоторые современные европейские правовые порядки рассматривают криптовалюты и иное цифровое имущество как «дематериализованные ценные бумаги», или «токенизированные ценные права» (§ 81a Закона Лихтенштейна от 03.10.2019 об изменениях статуса лиц и корпоративного права)¹⁰. Более того, Европейский институт права (European Law Institute, ELI) в 2022 г. опубликовал Принципы использования цифрового имущества как

⁴ Например, предложения относить к особым, цифровым основаниям ответственности повлекшие неисполнение договорных обязательств технические сбои и ошибки программного обеспечения, несоблюдение правил использования высокоавтоматизированных систем, нарушения в обеспечении кибербезопасности, а англоязычные по названию код-шеринг-, интерлайн-соглашения и тому подобные договоры об организации перевозок считать одним из следствий осуществления перевозок в условиях цифровой трансформации (Скучаев А. А. Частноправовое регулирование отношений по перевозке пассажиров воздушным транспортом, опосредованных электронно-цифровыми технологиями : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2026. С. 11–12, 16).

⁵ Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 12. Ст. 1224.

⁶ Вместе с тем по действующему российскому законодательству цифровые права могут и не являться составной частью цифрового имущества, а наоборот — охватывать как его, так и иные, утилитарные цифровые права (п. 13 ст. 8 Федерального закона от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 31. Ст. 4418 (в ред. Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5018)). Логическая согласованность этих юридических построений остается за рамками данной работы.

⁷ СЗ РФ. 2013. № 27. Ст. 3434.

⁸ В отечественной правовой доктрине обычно остается без внимания то принципиально важное обстоятельство, что к таким новым объектам гражданских прав, как бездокументарные ценные бумаги, неприменимо ни одно из положений классической теории ценных бумаг (см.: Brunner G. Die Wertpapiere // Handbuch des deutschen Handels-, See- und Wechselrechts. Leipzig : Fues's Verlag (R. Reiland), 1882), с которыми бездокументарные ценные бумаги не имеют ничего общего, кроме названия.

⁹ Об этом прямо говорилось в п. 1 ст. 149 ГК РФ в первоначальной редакции 1994 г.

¹⁰ Понятие ценных прав (нем. Wertrechte) давно используется в континентально-европейском праве вместо логически абсурдной категории «бездокументарные ценные бумаги» (т.е. «бездокументарные документы») для обозначения существующих в *электронной форме* имущественных прав, которые этим отличаются от имущественных прав, закрепленных классическими ценными бумагами

эмиссионных ценных бумаг (ELI Principles on the Use of Digital Assets as Security), а в Германии гражданско-правовой режим криптоценностей в основном развивается путем совершенствования законодательства о ценных бумагах¹¹. И здесь, таким образом, речь идет не о новых видах имущественных прав, а об их *новой (электронной) форме*, необходимость использования которой для некоторых эмиссионных ценных бумаг (акций, облигаций и производных от них финансовых инструментов) не ведет к созданию для них нового гражданско-правового режима и к их признанию особым, цифровым объектом.

Вместе с тем в ходе цифровизации появился действительно новый объект гражданских прав, получивший у многих его участников условное наименование «искусственный интеллект» (ИИ). В действительности это не роботизированное подобие человека или его части, а известная разновидность программ для ЭВМ — объектов авторского права (с позиции гражданского права). В этом качестве он не только активно используется квалифицированными участниками данного процесса, но и, согласно мнению многих его неквалифицированных участников¹², начинает принимать в нем непосредственное и всё более активное участие и даже управлять им, приобретая тем самым свойства субъекта, в том числе субъекта гражданского права. Такие воззрения, справедливо названные специалистами антропоморфизацией (очеловечиванием) технических систем и связанной с ними фразеологии в представле-

ниях неспециалистов¹³ (для которых в сочетании «искусственный интеллект» ключевым является слово «интеллект», а не слово «искусственный»), вызвали к жизни различные предложения о законодательном закреплении правового статуса этого нового «субъекта».

Невозможно признать удовлетворительным гражданско-правовое оформление отношений, построенных на использовании ИИ, изложенное в недавно внесенном в Государственную Думу РФ Правительством РФ проекте федерального закона «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации»¹⁴ (далее — Проект закона об искусственном интеллекте, Законопроект). Едва ли не единственным его достоинством можно считать отказ от абсурдных попыток объявления ИИ особым, новым субъектом гражданских правоотношений, участвующим в них наряду с гражданами и юридическими лицами (хотя, судя, например, по тексту ст. 3 Законопроекта, слова об обучении ИИ понимаются в нем буквально, что свидетельствует о влиянии антропоморфизации ИИ на его разработчиков или об их колебаниях в этом вопросе).

Поводом для таких попыток послужила проблема наличия или отсутствия у ИИ собственной воли и сознания, поскольку ее положительное решение нередко представляется бесспорным основанием признания его правосубъектности, в том числе в сфере гражданского (частного) права. Но следует напомнить, что для участников гражданского оборота

(нем. Wertpapiere). В этих же целях здесь применяются термины «зарегистрированные эффекты» (Bucheffecte) и «торговля эффектами» (Effektenhandel). См., например: ст. 3 швейцарского Федерального закона от 03.10.2008 «Об учетных эффектах» (Bundesgesetz über Bucheffekten, Bucheffektengesetz); *Ekkenga J. Effektengeschäft // Münchner Kommentar zum Handelsgesetzbuch. Bd. 6. Bankvertragsrecht. 3. Aufl. München: Verlag C. H. Beck, 2014. S. 1399–1409.*

В Лихтенштейне одновременно с названным Законом был принят особый Закон «О токенах и услугах доверительных технологий» (Gesetz über Token und vertrauenswürdigen Technologien-Dienstleister, Token- und VT-Dienstleister-Gesetz), который открыл правовые возможности для использования и других рыночных эффектов в электронной форме, основанных на децентрализованных блокчейн-технологиях, которые предоставляются для эмиссии, регистрации и совершения сделок с такими объектами. См.: *Damjanovic D., Pfurtscheller V., Raschauer N. Liechtenstein «Blockchain-Regulierung» — Ein- und Ausblicke // Zeitschrift für Europäisches Privatrecht. 2021. Heft 2. S. 399 ff., bes. S. 411–412 ff.*

¹¹ См.: *Rieländer F. Eigentum an digitalen Vermögenswerten — Auf dem Weg zu einem sachenrechtlichen Zuordnungsregime für Krypto-Assets // Zeitschrift für Europäisches Privatrecht. 2024. Heft 4. S. 784–786.*

¹² Деление автором участников цифровизации на квалифицированных (ИТ-специалистов) и неквалифицированных (всех остальных) сугубо условное, навеянное во многом аналогичным делением участников рынка ценных бумаг.

¹³ См.: *Мамвеев С. Ю.* Интервью журналу «Законодательство» // Законодательство. 2026. № 1. С. 8.

¹⁴ URL: <https://docs.cntd.ru/document/1316248718>.

решающее значение имеет наличие у каждого из них *собственного имущества*, которое позволяет им не только заключать сделки и совершать иные юридически значимые действия, но и нести самостоятельную *имущественную ответственность* за их результаты. При этом статус собственников имущества предопределяет содержание и применение всех важнейших принципов гражданско-правового регулирования (п. 1 ст. 1 ГК РФ): юридическое равенства, свободы договоров, автономии воли и диспозитивности в распоряжении гражданскими правами и беспрепятственности их осуществления и т.д.

Именно самостоятельная имущественная ответственность, базирующаяся на наличии у субъекта собственного имущества, позволяет участвовать в гражданских правоотношениях и таким «виртуальным» субъектам, как юридические лица (абз. 1 п. 1 ст. 56 ГК РФ). Ведь смысл гражданско-правовой конструкции юридического лица состоит в обособлении имущества, его отделении от имущества учредителей (участников) для создания вполне реальной (а не виртуальной) базы для гражданско-правовой (имущественной) ответственности перед кредиторами, которая одновременно по общему правилу исключается для учредителей или участников. Поэтому гражданская правосубъектность ИИ, лишённого всякого собственного имущества, невозможна в принципе, а попытки ее признания наводят на мысль о стоящем за ними стремлении компаний — разработчиков ИИ или пользователей (операторов, владельцев сервисов и т.д.) их продукта переложить на него свою возможную ответственность за непредсказуемые результаты его использования.

Ввиду этого очевидным становится вывод о том, что с гражданско-правовых позиций искусственный интеллект является не субъектом, а *объектом* гражданских правоотношений. Более того, как объект он вполне отвечает признакам (свойствам) источника повышенной опасности (п. 1 ст. 1079 ГК РФ), за вредоносное использование которого его юриди-

ческий (титульный) владелец отвечает перед третьими лицами (потерпевшими) независимо от своей вины, т.е. в том числе и за случайное причинение вреда. Не вызывает сомнений, что использование ИИ «создает повышенную вероятность причинения вреда из-за невозможности полного контроля за ней со стороны человека»¹⁵. Ведь даже подпункт 3 ст. 4 и подпункт 3 ст. 5 Проекта закона об искусственном интеллекте прямо указывают на необходимость всемерного учета в связи с его применением значительной «вероятности рисков причинения вреда (ущерба) жизни и здоровью физических лиц, деловой репутации и имуществу физических и юридических лиц», что подтверждается и реальной современной практикой¹⁶.

Между тем пункт 1 ст. 11 Законопроекта предлагает закрепить очередное противоречие: с одной стороны, им провозглашается общий принцип соответствия действующему законодательству РФ (следовательно, и нормам ГК РФ) его положений об ответственности субъектов отношений в сфере ИИ, в том числе разработчиков и пользователей этого объекта, «за результат, полученный с использованием искусственного интеллекта», а с другой стороны, закрепляется необходимость ее установления «соразмерно степени вины каждого» (а не солидарно, как того требует императивное правило ч. 1 ст. 1080 ГК РФ, установленное в интересах потерпевших). Всё это противоречит традиционным нормам ГК РФ об ответственности владельца источника повышенной опасности за причиненный вред как независимой от его вины (при солидарном характере ответственности его возможных сопричинителей).

Далее статья 11 Законопроекта прямо говорит об ответственности «разработчика модели, оператора системы или владельца сервиса ИИ» за вредоносный результат, полученный с использованием ИИ, лишь в случаях, когда они «заведомо знали или должны были знать о возможности получения такого результата», что подлежит доказыванию путем проведения неких «следственных действий» (п. 2), а так-

¹⁵ Абз. 2 п. 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 3. См. также: Гражданское право : учебник : в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. М. : Статут, 2023. Т. 4. С. 568–569 (автор главы — А. А. Ягельницкий).

¹⁶ Достаточно напомнить о нашумевшем случае неудачного использования модели ИИ Claude, разработанной американской ИТ-компанией Anthropic, послужившем основанием для предъявления к ней судебного иска со стороны Пентагона.

же о полном исключении их ответственности «в случае, если они предприняли исчерпывающие меры к предотвращению получения такого результата и соблюдали требования законодательства» (п. 3), причем «недостатки объекта с использованием ИИ не могли быть выявлены при проявлении всей разумной осмотрительности, предусмотренной условиями эксплуатации и технической документацией» (пп. «в» п. 5). Всё это не оставляет сомнений в том, что данную ответственность предлагается строить исключительно на принципе вины перечисленных лиц (правда, пока еще не самого ИИ), что противоречит признанным во всех современных правовых подходах к ответственности владельцев источников повышенной опасности. К последним следует относить не только операторов и владельцев сервисов ИИ, но при определенных условиях и разработчиков моделей ИИ, стремление которых избежать возможной гражданско-правовой (имущественной) ответственности за случайное причинение вреда третьим лицам вполне объяснимо, но не может быть оправдано.

Известное распространение ИИ в ряде сфер хозяйственной жизни, например в различных грузовых и даже пассажирских перевозках, тоже никак не влияет на их экономико-правовое оформление. Ведь отсутствие в них водителей (экипажей) или грузчиков не ведет к изменению правил о гражданско-правовой ответственности перевозчиков за сохранность грузов или здоровье пассажиров, в том числе презумпции их вины в утрате, недостаче или повреждении (порче) груза, традиционно закрепленной транспортным законодательством (п. 1 ст. 796 ГК РФ). Более того, использование ИИ в предпринимательских отношениях не исключает действия общего правила п. 3 ст. 401 ГК РФ об ответственности лиц, не исполнивших или ненадлежащим образом исполнивших обязательства при осуществлении предпринимательской деятельности, за случайное нарушение договорных обязанностей (т.е. также и при отсутствии их вины). Эти общепринятые правила гражданского права полностью проигнорированы статьей 11 Проекта закона об искусственном интеллекте, несмотря на провозглашенное в заголовке соответствие ее содержания законодательству РФ.

Не менее юридически противоречивым, чем представленная выше законодательная концепция цифровых прав, выглядит и общий подход Законопроекта: будучи нацеленным на «создание правовых условий для ускоренного развития и внедрения технологий искусственного интеллекта» (п. 2 ст. 1), которые, следовательно, отсутствуют в действующем законодательстве (в том числе гражданском), он рассматривает модель ИИ как разновидность программы для ЭВМ или совокупность таких программ (пп. 6 ст. 2), не учитывая, что в гражданском праве названные объекты уже давно имеют *авторско-правовой режим*, поскольку признаны объектами авторского права (пп. 2 п. 1 ст. 1225, абз. 2 п. 1 ст. 1259, ст. 1261 ГК РФ). Пренебрегая этим обстоятельством, абзац 2 п. 1 ст. 13 Законопроекта объявляет охраноспособными «объекты интеллектуальной деятельности, созданные автоматизированной системой» (т.е. искусственным интеллектом), что прямо противоречит ст. 1228 и 1347 ГК РФ, а также международным конвенциям с участием Российской Федерации, посвященным охране результатов творческой деятельности, поскольку все они исходят из принципа авторства человека (физического лица).

Указанные положения Законопроекта можно истолковать и как очередную попытку косвенного признания правосубъектности ИИ (хотя бы в отношении некоторых интеллектуальных прав), с чем, как уже отмечалось, принципиально невозможно согласиться. Если же такие «объекты» (результаты) предлагается рассматривать в качестве новых объектов интеллектуальных прав, требуются соответствующие дополнения их исчерпывающего перечня (*numerus clausus*), установленного пунктом 1 ст. 1225 ГК РФ (о чем Законопроект не упоминает, декларируя в пояснительной записке отсутствие в связи с его принятием необходимости внесения изменений в действующее законодательство). Предложения о расширении или дополнении названного перечня в свете появления в ходе цифровизации новых результатов творческой деятельности давно известны отечественной правовой доктрине¹⁷. Здесь важно подчеркнуть, что даже их принятие само по себе не изменяет авторско-правового режима таких объектов и не создает для

¹⁷ В частности, речь может идти о таких объектах, как облачные технологии и пиринговые файлообменные сети (распределенные базы данных и технологии их создания), блокчейн-технологии и др., а также о доменных именах, указания на которые в силу различных причин отсутствуют в закрытом перечне

них нового, цифрового гражданско-правового режима.

Гражданско-правовая сфера интеллектуальных прав (именуемая в Законопроекте объектами интеллектуальной собственности) подверглась в нем поистине разрушительному воздействию, которое касается не только попыток косвенного признания субъектами этих прав ИИ, но прежде всего разрешения несанкционированного и безвозмездного использования прав авторов результатов творческой деятельности. Согласно п. 5 ст. 13 Проекта закона об искусственном интеллекте «не является нарушением авторских и/или патентных прав их правообладателей извлечение информации из объектов, защищенных авторскими и патентными правами, включающее в том числе в рамках компьютерной обработки извлечение, сравнение, классификацию и анализ закономерностей, тенденций и корреляций, содержащихся в этих объектах, для изготовления набора данных и/или обучения искусственного интеллекта, при условии что изготовителем набора данных или разработчиком был получен правомерный экземпляр (так в тексте. — Е. С.) такого произведения либо этот объект был доведен до всеобщего сведения и/или доступен для анализа». Тем самым создатели (разработчики) сервисов и систем ИИ получают весьма широкую возможность бездоговорного (т.е. без уведомления правообладателей и без выплаты причитающегося им вознаграждения) использования для своих нужд охраняемых законом объектов интеллектуальных прав (в том числе «доступных им для анализа»).

Между тем действующее гражданское законодательство, в этой части полностью основанное на международных конвенциях об охране результатов творческой деятельности, в кото-

рых давно участвует Российская Федерация, устанавливает *закрытый перечень* случаев свободного использования произведений, охраняемых авторским правом (т.е. без согласия автора или иного правообладателя и без выплаты ему вознаграждения, но с *обязательным указанием его имени и источника заимствования*, о чем тоже не упомянуто в Законопроекте), если, разумеется, речь не идет о случаях «исчерпания авторского права» (ст. 1272–1280 ГК РФ)¹⁸. В связи с этим рассмотренные положения п. 5 ст. 13 Законопроекта едва ли могут быть признаны вполне соответствующими требованиям международных конвенций (односторонние дополнения или пересмотр которых исключаются), хотя пояснительная записка к нему завершается безоговорочным утверждением о его полном соответствии международным договорам РФ. Стоит также напомнить о том, что, согласно ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, «если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора» (эта конституционная норма воспроизведена и абзацем 2 п. 2 ст. 7 ГК РФ).

Едва ли всеми этими вопросами заинтересуется сам искусственный интеллект даже в случае его признания субъектом интеллектуальных прав на «созданные им объекты интеллектуальной собственности» (абз. 2 п. 1 ст. 13 Проекта закона об искусственном интеллекте), но они, несомненно, привлекут внимание его разработчиков и пользователей. Неслучайными представляются положения его пп. «в» и «г» п. 2 ст. 13 о том, что владельцы сервисов ИИ *обязаны* заключать договоры с разработчиками моделей ИИ, в которых должны согласовывать с ними (а не с первоначальными правообладате-

п. 1 ст. 1225 ГК РФ (см., например: Гражданское право / отв. ред. Е. А. Суханов. Т. 2. С. 257, 261 (автор главы — Н. В. Щербак)). При этом базы данных прямо названы в пп. 3 п. 1 ст. 1225 ГК РФ в качестве самостоятельных объектов авторско-правовой охраны, а доменные имена считаются особым способом использования товарного знака (пп. 5 п. 2 ст. 1484 ГК РФ).

¹⁸ Эти требования установлены в первую очередь Бернской конвенцией 1886 г. (действующей в редакции 1979 г.) и Договором ВОИС (Всемирной организации интеллектуальной собственности) по авторскому праву 1996 г., а также Соглашением по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (Agreement on Trade Related Aspects of Intellectual Property Rights, TRIPS 1994 г., к которому Российская Федерация присоединилась в связи с участием во Всемирной торговой организации. Аналогичный подход закрепляет Модельный кодекс интеллектуальной собственности для стран СНГ 2010 г. Подробнее об этом см., например: Гражданское право / отв. ред. Е. А. Суханов. Т. 2. С. 282–284, 308–311 (автор главы — Н. В. Щербак).

Следует иметь в виду, что нарушение исключительных прав на результат творческой деятельности, совершенное несколькими лицами, влечет их солидарную гражданско-правовую ответственность пе-

лями!) «порядок передачи прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные с использованием соответствующих моделей», а также «договоры с пользователями сервиса искусственного интеллекта», содержащие «условие о том, кому принадлежат права на синтезированный, сгенерированный информационный материал».

Таким образом, разработчики моделей и сервисов ИИ закрепляют *свои* интеллектуальные права и порядок их реализации (надо полагать, и выплату вознаграждения) в договорах с владельцами таких сервисов и их пользователями¹⁹, оставляя без внимания их отношения с первоначальными правообладателями. Такой подход можно, конечно, признать соответствующим провозглашенному подпунктом 4 ст. 4 Проекта закона об искусственном интеллекте принципу «обеспечения благоприятных условий для развития технологий искусственного интеллекта... его ускоренного развития», поскольку он весьма благоприятствует коммерческой деятельности определенных ИТ-компаний. Вряд ли, однако, его можно считать вполне отвечающим основополагающему принципу юридического равенства участников гражданских правоотношений (п. 1 ст. 1 ГК РФ), а также способствующим решению не менее важной задачи поощрения деятельности первоначальных создателей охраняемых действующим законом результатов творческой деятельности, в том числе объектов авторского и патентного права.

Наконец, без должного внимания Законопроекта осталась проблематика международно-правовой охраны результатов творческой деятельности, использованных или созданных с использованием технологий ИИ. Как показывает длительный опыт существования нематериальных объектов авторского и патентного права, их правовой режим не может устанавливаться лишь национальными законодательными актами, а неизбежно требует разработки и принятия многосторонних международных конвенций по этим вопросам, ибо перемеще-

ние и использование таких объектов нередко имеет трансграничный характер, обусловивший необходимость международно-правовой регламентации этих отношений. Едва ли не в большей мере это положение относится к созданию и использованию программных продуктов в сфере ИИ, существующих в интернациональном, по сути, интернет-пространстве, а не только зафиксированных на материальных носителях (вещах). Поэтому общая отсылка к нормам ГК РФ об исключительных правах, содержащаяся в абз. 1 п. 1 ст. 13 Законопроекта, явно недостаточна. Его статьи 15–18, посвященные международному сотрудничеству в сфере применения технологий ИИ, содержат только призывы к формированию единого пространства доверенных технологий ИИ при лидирующей роли Российской Федерации в международном и региональном сотрудничестве, расширению и укреплению последнего, обеспечению равных прав и возможностей наций в области разработки и использования технологий ИИ и тому подобные бессодержательные декларации, которые не способны выполнять функции законодательных норм.

Изложенные недостатки и противоречия Проекта закона об искусственном интеллекте послужили основанием для принятия Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства на заседании 23 апреля 2026 г. экспертного заключения о невозможности его поддержки. При этом Совет счел необходимым отметить принципиальную неспособность Законопроекта заменить или изменить действующую систему норм и принципов, регулирующих частноправовые отношения в предполагаемой сфере его действия.

Наряду с появлением отношений, связанных с использованием ИИ, большое распространение, затрагивающее имущественные интересы многих участников гражданского оборота, получило и такое последствие процесса цифровизации, как стихийное создание и функционирование децентрализованного рынка различных

ред правообладателем (п. 6.1 ст. 1252 ГК РФ в редакции Федерального закона от 12.03.2014 № 35-ФЗ), подобную имущественной ответственности сопричинителей вреда (ст. 1080 ГК РФ), а не долевую ответственность, «соразмерную степени вины каждого».

¹⁹ По-видимому, речь идет о лицензионных договорах (ст. 1235–1238 ГК РФ), вероятно, и о договорах об отчуждении исключительных прав (ст. 1234 ГК РФ). Законопроект умалчивает о возможности получения принудительной лицензии (ст. 1239 ГК РФ) и особенностях использования соответствующих объектов, созданных по государственному или муниципальному заказу (ст. 1240.1 ГК РФ), а также других способах распоряжения исключительными правами, предусмотренных статьей 1233 ГК РФ.

криптовалют. Разумеется, никакой вид цифровых денег, или криптовалют, не может быть признан деньгами в юридическом (а не экономическом) смысле, т.е. объектом, обладающим *юридическим свойством* «законного платежного средства, обязательного к приему по нарицательной стоимости на всей территории Российской Федерации» (абз. 1 ч. 1 ст. 140 ГК РФ)²⁰. Из этого никоим образом не следует невозможность их использования для расчетов, инвестирования, накопления или выполнения ими иных *экономических функций* денег либо ничтожность любых сделок с криптовалютой. Напротив, в силу принципа свободы договоров (п. 1 ст. 1, абз. 1 п. 1 ст. 8, ст. 421 ГК РФ) эти объекты как не изъятые из оборота и пока даже прямо не ограниченные в нем вполне могут применяться в гражданских правоотношениях, разумеется в целях, соответствующих общим началам и смыслу гражданского законодательства (а не для обхода установленных им запретов и ограничений или тем более отмывания незаконно полученных доходов, финансирования терроризма и иных неправомерных действий).

Их применение, не нарушающее общие законодательные запреты и предписания, в том числе в качестве суррогата (замены) денег и денежных расчетов между субъектами гражданского права, само по себе не является противоправным и порождает юридические (гражданско-правовые) последствия, правда при наличии некоторых установленных законом условий. Речь идет, во-первых, об обязанности информирования органов публичной власти о факте обладания цифровой валютой (ее декларирования, что не требуется для наличных и безналичных денежных средств), во-вторых, о необходимости соблюдения требований нало-

гового законодательства (п. 6 ст. 14 Закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ). Но даже при невыполнении названных условий сделки с цифровой валютой следует рассматривать не как незаконные (недействительные) сделки (тем более что статья 168 ГК РФ теперь допускает конфискационные последствия только в специально предусмотренных законом случаях), а как основания возникновения *натуральных обязательств*²¹.

Последние, как известно со времен римского частного права, не предоставляют своим участникам возможности судебной защиты их прав и интересов, однако полученное в результате их исполнения имущество не подлежит возврату в качестве неосновательного обогащения, ибо в связи с такими обязательствами по закону также возникают имущественные права, включая право собственности. Их пример (близкий к сделкам с криптовалютой) — предпринимательские «сделки на разность» (иначе «расчетные форвардные контракты»), которые не предполагают передачи сторонами реального товара, а имеют виртуальный предмет (разницу в курсах валют и т.п.). Изначально они, по сути, представляют собой разновидности игр и пари, права на которые не подлежат судебной защите ни в каких правовых порядках. Однако такие предпринимательские финансовые сделки в конце концов получили исковую защиту при условии их совершения под контролем государства, либо юридическими лицами, имеющими соответствующую лицензию, либо на биржах (организованных финансовых рынках) (п. 2 ст. 1062 ГК РФ в редакции Федерального закона от 26.01.2007 № 5-ФЗ²²). Аналогичный гражданско-правовой режим теперь придан и сделкам с криптовалютой²³.

Следовательно, использование в современном отечественном имущественном обороте

²⁰ См. также: ч. 1 ст. 75 Конституции РФ ; ст. 27, 29, 30 Федерального закона от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // СЗ РФ. 2002. № 28. Ст. 2790 ; пп. 5 п. 1 ст. 1 Федерального закона от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» // СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 4859.

²¹ См.: Суханов Е. А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // Вестник гражданского права. 2021. Т. 21. № 6. С. 20–22.

²² СЗ РФ. 2007. № 5. Ст. 558.

См. также: определение Конституционного Суда РФ от 16.12.2002 № 282-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2003. № 1 ; п. 2 ст. 44 Федерального закона от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» // СЗ РФ. 1996. № 17. Ст. 1918 ; п. 4 ст. 9, п. 4 ст. 16 Федерального закона от 21.11.2011 № 325-ФЗ «Об организованных торгах» // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6726.

²³ Остаются в стороне международно-правовые аспекты использования криптовалют и иного цифрового имущества, в частности принятые 10 мая 2023 г. на 102-м заседании УНИДРУА Принципы о цифровом имуществе в частном праве (UNIDROIT Principles on Digital Assets and Private Law) и постановление

криптовалюты как нового объекта гражданских прав (разумеется, не приобретающего юридического режима денег как законного (общеобязательного) платежного средства) не ведет к появлению нового (третьего) вида денег (наряду с наличными и безналичными деньгами²⁴), как утверждают некоторые финансисты, и не отменяет традиционных *юридических* представлений о природе денег (во всяком случае, пока государство не придало цифровым деньгам свойства законного платежного средства). По очевидным экономико-правовым соображениям никакое государство не может разрешить частным лицам неограниченную и бесконтрольную денежную эмиссию (в том числе в виде самостоятельного майнинга криптовалют). Поэтому, например, цифровые рубли признаны не деньгами, а лишь одним из видов безналичных денежных средств и формой безналичных расчетов (ст. 128 и абз. 2 п. 1 ст. 140 ГК РФ в редакции Федерального закона от 24.07.2023 № 339-ФЗ²⁵). В этом качестве они эмитируются только Центральным банком РФ и используются под его контролем специально уполномоченными на то коммерческими банками. Иначе говоря, в силу прямого указания закона цифровой рубль выполняет платежную

функцию, погашая определенные денежные обязательства, но не становится законным платежным средством для всех участников гражданского (имущественного) оборота, т.е. деньгами в юридическом смысле²⁶.

Современные зарубежные исследователи отмечают тенденцию к рассмотрению гражданско-правового режима криптовалют и другого цифрового имущества (или криптоценностей) как особой разновидности абсолютных вещных прав на объекты, хотя и выходящие за рамки классического понимания вещей, но приобретающие общий вещно-правовой режим контролируемого цифрового имущества, поскольку контроль за доступом к ним и их использование с помощью различных электронных ключей (паролей) юридически могут быть приравнены к владению ими²⁷. Более того, данный подход начинает проникать даже в Common Law, где цифровое имущество (или блокчейн-ценности) судебной практикой теперь нередко признается новым, третьим видом (*tertium quid*) традиционной *personal property* («личного имущества», т.е. движимости в англо-американском понимании), состоящей из *things in possessions* («вещей во владении», т.е. собственно движимых вещей) и *things in action* («вещей в требовании»,

Европейского парламента и Евросовета от 31.05.2023 «О рынках криптоценностей» (*Verordnung über Märkte für Kryptowerte und zur Änderung anderer Verordnungen, MiCAR*), серьезно реформировавшие действовавшее в этой области общеевропейское законодательство. Эти акты призваны сыграть роль содержательных рекомендаций по согласованному разрешению вопросов, возникающих в ходе развернувшегося в последние годы соревнования юрисдикций за привлечение криптовалют. Его лидерами в континентально-европейском праве стали Лихтенштейн (благодаря законам 2019 г.) и Швейцария, а в правовых порядках Common Law — Сингапур, Великобритания и США (наряду с развитием судебной практики Единый торговый кодекс США (*Uniform Commercial Code, UCC*) в 2022 г. был дополнен § 12-105 о контролируемых электронных сведениях (*controllable electronic records (CERs)*). Не следует забывать и о том, что в результате аналогичного, по сути, соперничества отдельных штатов США за право стать местом регистрации корпораций (развернувшегося еще в конце XIX в. и получившего в литературе ироничное наименование «гонки снизу» — англ. *race to the bottom*) возникло «сверхпрогрессивное» корпоративное законодательство штатов Нью-Йорк, Нью-Джерси и наиболее либерального в этом отношении штата Делавэр (названное в литературе делавэрским синдромом), которое затем пришлось корректировать федеральным законодательством. Поэтому само по себе лидерство в формировании криптовалютного законодательства заставляет с известной осторожностью относиться к заимствованию его положений в другие национальные правовые порядки.

²⁴ Различие правового режима наличных денег как вещей и безналичных денежных средств как иного имущества (имущественных прав) прямо закреплено статьей 128 ГК РФ.

²⁵ СЗ РФ. 2023. № 31 (ч. III). Ст. 5765.

²⁶ Кроме того, отсутствие процентов, обычно начисляемых банками на остатки числящихся на их счетах традиционно понимаемых денежных средств (в этом смысле тоже являющихся цифровыми, а не реальными деньгами, а по сути — правами требования клиентов к обслуживающим их банкам) за их использование в имущественном обороте (абз. 1 п. 1 ст. 852 ГК РФ), также наводит на мысль об известной ограниченности возможностей применения этого нового способа расчетов.

²⁷ *Rieländer F. A. Op. cit. S. 792–796.*

т.е. имущественных прав)²⁸. Всё это свидетельствует о возможностях правового регулирования этих новых объектов гражданских (имущественных) прав с помощью известных правовых институтов и в любом случае ставит под сомнение целесообразность попыток создания для них принципиально нового правового режима цифровых прав (или в целом формирования особого цифрового права).

Из изложенного вытекает вывод о том, что влияние цифровизации на правовое оформление имущественного оборота не ведет к созданию особого гражданско-правового режима цифровых прав наряду с вещными, обязательственными, корпоративными и интеллектуальными правами, ибо в целом оно вполне укладывается в существующие институты гражданского (частного) права. Иначе говоря, ограниченный характер такого воздействия не требует *кардинальных* реформ гражданского законодательства (его отдельные, частные изменения по мере социального и технического развития неизбежны при любом ходе развития законодательства).

В этой связи можно также констатировать отсутствие объективных научных оснований для попыток формирования особого, цифрового права. Идея последнего сама по себе не имеет отношения к наличию или отсутствию цифрового кодекса, ибо отечественный правопорядок знает случаи многолетнего существования особых кодексов в отсутствие соответствующих им самостоятельных или хотя бы комплексных отраслей права. Так, Градостроительному кодексу РФ²⁹ не соответствует строительное право, а пяти транспортным кодексам и уставам — общепризнанное транспортное право или хотя бы отдельные самостоятельные правовые отрасли железнодорожного, автомобильного и т.д. права³⁰. С этой точки зрения можно предполагать, что цифровое право рискует разделить судьбу энергетического, образовательного или спортивного права, остающихся без собственной кодификации по мере угасания искусственно подогреваемого интереса к ним.

Для выделения самых разнообразных комплексных отраслей права, обособляемых не по объективно существующим *особенностям правовых режимов*, а по произвольно избранным сферам деятельности, изначально отсутствуют сколько-нибудь серьезные научно-систематизационные основания, что неоднократно отмечалось как в отечественной, так и в зарубежной правовой литературе³¹.

Иное дело, что возникающие в ходе использования достижений научно-технического прогресса новые результаты творческой деятельности, несомненно, нуждаются в четком юридическом оформлении, которое должно не разрушать, а *дополнять* сложившуюся систему гражданско-правового регулирования. Это относится не только к исключительным правам на различные результаты творческой деятельности (в том числе полученным при использовании сервисов ИИ), но и к иным новым видам имущества (таким, например, как бездокументарные ценные бумаги и криптовалюта). При этом в особом внимании нуждаются международно-правовые аспекты их использования, которое в современных условиях неизбежно переходит национальные границы и потому требует согласования на межгосударственном уровне.

Следовательно, объективно развивающийся процесс цифровизации социальной и экономической жизни общества действительно требует тщательного и всестороннего правового оформления, которое отнюдь не сводится к поспешному провозглашению очередной новой правовой отрасли или скорейшей разработке и принятию нового кодифицированного закона. Сами по себе такие шаги заведомо не в состоянии обеспечить создание благоприятных условий для решения содержательных правовых задач, а подлежат включению в общую правовую систему, предполагая ее развитие и дополнение, а не кардинальную ломку. Данный подход требует серьезных научных и организационных усилий, но только он способен привести к реальному успеху.

²⁸ Rieländer F. A. Op. cit. S. 777–778.

²⁹ СЗ РФ. 2005. № 1 (ч. I). Ст. 16.

³⁰ Авторитетные ученые давно обоснованно отвергали такого рода предложения, утверждая, что транспортное право представляет собой лишь комплексную отрасль российского права (см., например: *Егизаров Г. А.* Транспортное право : учебник. 2-е изд. М. : Юстицинформ, 2004. С. 6–7), подобную, скажем, жилищному праву.

³¹ См., например: *Галесник Л. С.* О проблемах системы советского права // Советское государство и право. 1957. № 2. С. 117 ; *Bydlinski F.* System und Prinzipien des Privatrechts. Nachdruck 1996. Wien, 2013. S. 8–10, 680–684, 703–704.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Галесник Л. С. О проблемах системы советского права // Советское государство и право. 1957. № 2. Гражданское право : учебник : в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. М. : Статут, 2023.
- Егiazаров Г. А. Транспортное право : учебник. 2-е изд. М. : Юстицинформ, 2004. 542 с.
- Матвеев С. Ю. Интервью журналу «Законодательство» // Законодательство. 2026. № 1. С. 6–11.
- Палчаева Н. А. Правовое регулирование предпринимательской деятельности с использованием цифровых платформ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М. : МГУ, 2026.
- Скучаев А. А. Частноправовое регулирование отношений по перевозке пассажиров воздушным транспортом, опосредованных электронно-цифровыми технологиями : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2026. 27 с.
- Суханов Е. А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // Вестник гражданского права. 2021. Т. 21. № 6. С. 7–29.
- Brunner G. Die Wertpapiere // Handbuch des deutschen Handels-, See- und Wechselrechts. Leipzig : Fues's Verlag (R. Reiland), 1882.
- Bydlinski F. System und Prinzipien des Privatrechts. Nachdruck 1996. Wien, 2013.
- Damjanovic D., Pfurtscheller V., Raschauer N. Liechtenstein «Blockchain-Regulierung» — Ein- und Ausblicke // Zeitschrift für Europäisches Privatrecht. 2021. Heft 2.
- Ekkenga J. Effektingeschäft // Münchener Kommentar zum Handelsgesetzbuch. Bd. 6. Bankvertragsrecht. 3. Aufl. München : Verlag C. H. Beck, 2014.
- Rieländer F. Eigentum an digitalen Vermögenswerten — Auf dem Weg zu einem sachenrechtlichen Zuordnungsregime für Krypto-Assets // Zeitschrift für Europäisches Privatrecht. 2024. Heft 4. S. 769–800.

REFERENCES

- Brunner G. Die Wertpapiere. Handbuch des deutschen Handels-, See- und Wechselrechts. Leipzig: Fues's Verlag (R. Reiland); 1882. (In Germ.).
- Bydlinski F. System und Prinzipien des Privatrechts. Nachdruck; 1996. Wien; 2013. (In Germ.).
- Damjanovic D, Pfurtscheller V, Raschauer N. Liechtenstein «Blockchain-Regulierung» — Ein- und Ausblicke. *Zeitschrift für Europäisches Privatrecht*. 2021;2. (In Germ.).
- Egiazarov GA. Transport Law. 2nd ed. Justitsinform Publ.; 2004. (In Russ.).
- Ekkenga J. Effektingeschäft. Münchener Kommentar zum Handelsgesetzbuch. Bd. 6. Bankvertragsrecht. 3. Aufl. München: Verlag C. H. Beck Publ.; 2014. (In Germ.).
- Galesnik LS. On the problems of the system of Soviet law. *Sovetskoy gosudarstvo i pravo*. 1957;2. (In Russ.).
- Medvedev SYu. Interview for the «Legislation» Journal. *Legislation*. 2026;1. (In Russ.).
- Palchaeva NA. Legal regulation of entrepreneurial activity using digital platforms. Author's Abstract. Cand. Sci. (Law) Diss. Moscow: Moscow State University; 2026. (In Russ.).
- Rieländer F. Eigentum an digitalen Vermögenswerten — Auf dem Weg zu einem sachenrechtlichen Zuordnungsregime für Krypto-Assets. *Zeitschrift für Europäisches Privatrecht*. 2024;4. (In Germ.).
- Skuchaev AA. Private legal regulation of relations for the carriage of passengers by air transport, mediated by electronic and digital technologies. Author's Abstract. Cand. Sci. (Law) Diss. Saratov; 2026. (In Russ.).
- Sukhanov EA (ed.). Civil Law. In 4 vols. Vol. 2: Property Law. Inheritance Law. Intellectual Rights. Personal Non-Property Rights. Moscow; Statut Publ.; 2023. (In Russ.).
- Sukhanov EA (ed.). Civil Law. In 4 vols. Vol. 4 : Certain types of obligations. Moscow: Statut Publ.; 2023. (In Russ.).
- Sukhanov EA. On the civil law nature of «digital property». *Civil Law Review*. 2021;6. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Суханов Евгений Алексеевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой гражданского права юридического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова, научный руководитель Исследовательского центра частного права имени С.С. Алексеева при Президенте РФ
д. 1, Ленинские горы, г. Москва 119991, Российская Федерация

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgeniy A. Sukhanov, Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Civil Law, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University; Academic Director, Private Law Research Centre under the President of the Russian Federation named after S.S. Alexeev (PLRC), Moscow, Russian Federation

Материал поступил в редакцию 20 апреля 2026 г.

Статья получена после рецензирования 13 мая 2026 г.

Принята к печати 15 мая 2026 г.

Received 20.04.2026.

Revised 13.05.2026.

Accepted 15.05.2026.